

Научная статья. Политические науки
УДК 341.322(540+549.1)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-01-253-269>

ПРИРОДА ГИБРИДНЫХ ВОЙН НА ПРИМЕРЕ КАШМИРСКОГО ВОПРОСА

Софья Владимировна Мельникова

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
sophiazavodnik@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5797-041X>

Аннотация. Статья посвящена изучению природы гибридных войн. Автор определяет гибридный конфликт как совокупность враждебных действий одного актора против другого актора через использование различных военных и невоенных средств, отражающее стремление первого осуществить силовое давление на второго, избежав при этом прямого силового столкновения и сопутствующих ему репутационных и финансовых издержек.

В рамках данного исследования изучаются такие вопросы как сущность и причины крайней продолжительности гибридных войн на примере индо-пакистанского конфликта вокруг кашмирских территорий. Конфликтные отношения Дели и Исламабада имеют продолжительную историю и на разных этапах развития системы международных отношений имели различные формы и специфические характеристики; в рамках статьи предпринимается попытка проследить, как меняется конфликт, какие стадии он проходит, как и при каких обстоятельствах прямое военное столкновение уступило место гибридной войне между Индией и Пакистаном и какие факторы определяют его трудноразрешимость.

Ключевые слова: гибридная война, Индия, Пакистан, кашмирский конфликт, конфликты нового типа

Для цитирования: Мельникова С. В. Природа гибридных войн на примере Кашмирского вопроса. *Восточная аналитика*. 2024;14(1):253-269. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-01-253-269>

Original article. Politics studies

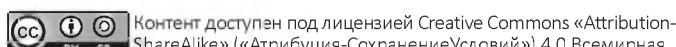
THE NATURE OF THE HYBRID WARFARE: THE CASE OF KASHMIR

Sofya Melnikova

Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia,
sophiazavodnik@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5797-041X>

Abstract. The article is devoted to the study of the nature of hybrid wars. The author defines a hybrid conflict as a set of hostile actions of one actor against another actor through the use of various military and non-military means, reflecting the desire of the first to exert force pressure on the second, while avoiding a direct force collision and the associated reputational and financial costs.

Within the framework of this study, such issues as the essence and causes of the extreme duration of hybrid wars are studied on the example of the Indo-Pakistani conflict over Kashmiri territories. The conflict relations between Delhi and Islamabad have a long history and at different stages of the development of the system of international relations had different forms and

specific characteristics and the article attempts to trace how and under what circumstances a direct military clash gave way to a hybrid war between India and Pakistan.

Keywords: hybrid warfare, India, Pakistan, Kashmir conflict, conflicts of new types

For citation: Melnikova S. V. The Nature of the Hybrid Warfare: the Case of Kashmir. *Eastern Analytics.* 2024;14(1):253-269. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-01-253-269>

Введение

Гибридная война как совокупность враждебных действий одного актора против другого актора через использование различных военных и невоенных средств сегодня получила широкое распространение. По сути, она представляет собой стремление одного актора осуществить силовое давление на другого, избежав при этом прямого силового столкновения и сопутствующих ему репутационных и финансовых издержек. Изучение сущности гибридной войны, причин и следствий ее повсеместного распространения дает исследователю возможность понять специфические особенности современной системы международных отношений, а также выявить причины неразрешимости застарелых конфликтов. Изучение этого теоретического аспекта возможно через историческую призму, в качестве которой в рамках данного исследования используется индо-пакистанское противостояние.

Потенциал гибридных войн в Азии не исчерпывается противостоянием Индии и Пакистана. Высокая конфликтогенность среды в сочетании с рядом факторов, таких как отсутствие всеобъемлющего режима безопасности, высокие уровни бедности и безграмотности, этническое и религиозное разнообразие, сложное колониальное прошлое многих стран предопределяют уязвимость азиатского региона к появлению гибридных конфликтов. Более того, с развитием новых технологий методы ведения гибридной войны становятся все более изощренными и требуют все более жестких ответов.

Рациональность выбора именно индо-пакистанской гибридной войны для исследования обозначенных теоретических положений подкреплена рядом сущностных характеристик этого конфликта. В частности, важен тот факт, что индо-пакистанские конфликтные отношения имеют очень продолжительную историю и на разных этапах развития системы международных отношений имели различные формы и специфические характеристики, при этом каждый новый этап базировался на предыдущих. Данный аспект позволяет проследить, как и при каких обстоятельствах прямое военное столкновение уступило место гибридной войне между Индией и Пакистаном. Более того, гибридное противо-

стояние именно этих стран интересно в силу того, что они обе являются ядерными державами.

Причиной, определяющей высокую актуальность изучения гибридных конфликтов, помимо прочего является присущая им чрезвычайная продолжительность и трудноразрешимость. Как правило, гибридные конфликты тянутся десятилетиями, так как представляют собой самовоспроизводящиеся циклы эскалаций и стабилизации, которые приводят к очередным человеческим жертвам и экономическим кризисам, но не переводят конфликт на новую стадию.

Разрешение конфликта возможно только в случае, если он «созрел» в достаточной степени или достиг определенной стадии. Подразумевается точка, в которой стороны начинают осознавать, что статус-кво приносит им неприемлемые издержки, компенсировать которые они не в состоянии, а также появляется ощущение возможности достижения соглашения на относительно удовлетворительных условиях для обеих сторон. Особенность гибридных конфликтов в том, что в них эта точка практически недостижима.

Выбор гибридной подрывной деятельности создает аморфный ландшафт безопасности, обычно называемый «серой зоной», где границы войны и мира размыты, а поля сражений четко не очерчены [Almäng 2019, р. 192]. Образованная серая зона является признаком усложнения современной среды безопасности [Mattsson 2017, р. 72]. Гибридные методы давления способны не только снизить оборонную способность государства в военном плане, но и дестабилизировать общество, снизить способность государственных органов власти адекватно и эффективно отвечать на внутренние вызовы [Reichborn-Kjennerud, Cullen 2016]. При этом государство остается жизнеспособным, критическая точка не достигается.

Цикличность – это неотъемлемый атрибут гибридных войн. Чем продолжительней конфликтная ситуация, тем меньше политической воли к мирному решению. Более того, политическая система государства на протяжении многих лет участия в таком конфликте адаптируется к контексту гибридной войны. Власть учится получать выгоды от наличия стабильной (в некоторой степени даже предсказуемой) угрозы безопасности, так как это делает ее политические позиции более крепкими, а возможности более широкими. Электорат также все меньше склонен поддерживать мирный вектор.

В обществе, которое на протяжении десятилетий существует в подобных условиях, формируется толерантность к хронической нестабильности, неблагополучности и неопределенности, характерных для гибридных войн, повышается популярность политических «ястребов»

и агрессивного популизма. Этому сопутствует стабильное формирование «образа врага», демонизация и дегуманизация противника, что рождает определенный культурный код неприятия «другого».

Примечательно, что агрессивная внешнеполитическая активность в рамках гибридного конфликта негативно влияет не только на атакуемую сторону, но и на атакующую. Современные исследования демонстрируют, что в странах, вовлеченных в гибридные войны, в долгосрочной перспективе наблюдается усугубление поляризации в обществе, рост межгрупповой напряженности и формирование чувства разочарования во власти [Pindják 2014]. Все указанные обстоятельства возникновения или течения гибридных войн присутствуют в индо-пакистанских отношениях.

Истоки индо-пакистанских гибридных отношений

Кашмирский спор стал одним из самых продолжительных конфликтов в новой и новейшей истории. Истоки конфликта в некоторой степени предопределили сложность его разрешения. Принято считать, что раздел Британской Индии в 1947 г. является точкой начала кашмирского конфликта, однако, нельзя не отметить, что противоречия возникли и усиливались еще в XIX в. Поражение, которое потерпели сикхи от британцев в Первой англо-сикхской войне (1845–1846 гг.), привело к тому, что часть территории Сикхского государства перешла Британской Ост-Индской компании, после чего британцы продали Кашмир индусу-махарадже из соседнего района Джамму.

В начале XX в. мусульманское население Кашмира требовало независимости, и это требование вскоре вылилось в масштабное движение, дестабилизирующее регион [Шаумян 2023]. После того, как беспорядки на внутриполитической почве в стране достигли тревожного уровня, правительство Великобритании приняло решение ускорить процесс раздела колонии. Так в 1947 г. Индия и Пакистан обрели независимость, однако основы конфликта были уже заложены, а линии разлома сформированы [Белокреницкий, Москаленко, Шаумян 2003].

Важным дополнением является то, что проблема статуса множества независимых или полунезависимых индийских княжеств стала одной из самых сложных в процессе раздела колонии. Закон о независимости Индии 1947 г., или план Маунтбэттена не регулировал их судьбу. Судьба Кашмира не была ясна, пока вооруженный отряд пакистанских пуштунов не занял существенную часть Кашмира, провозгласив создание временного правительства «Азад Кашмир». В этой ситуации стоявший во главе Кашмира Хари Сингх принял решение о том, что Кашмир должен быть при соединен к Индии, и после того, как вице-король Индии лорд Маунтбэт-

тен заявил о признании Акта и самого факта присоединения Кашмира к Индии, в Кашмир был направлен индийский воинский контингент. Индийские войска оказали сопротивление пакистанским «добровольцам» и военным, остановив их продвижение по территории княжества.

В будущем разное видение мира и вопроса о принадлежности Кашмира стало причиной целого ряда индо-пакистанских войн 1947–1948, 1965 и 1999 гг., а также десятков конфликтных ситуаций, повлекших за собой человеческие жертвы и рост напряженности в регионе [Мелехина 2008].

Практически все военные столкновения Индии и Пакистана до 1970-х гг. можно рассматривать как классические, и с определенной долей условности можно говорить о том, что после 1970-х гг. военное, экономическое и политическое давление Индии в регионе сделало политику гибридной войны единственной возможной для Исламабада [Yadav 2019, р. 131]. Другими словами, это не столько выбор Пакистана, сколько его обреченность на гибридную войну.

Если в рамках современной гибридной войны между Индией и Пакистаном политика Нью-Дели в большей степени ответная (несмотря на всю ее жесткость), то в прошлом Индия не раз сама использовала инструменты гибридной войны против Пакистана. Конкретные исторические эпизоды ярко демонстрируют, как элементы гибридной политики одного государства приводят к симметричным ответам. Например, накануне индо-пакистанской войны 1971 г., в период острого внутриполитического кризиса в Пакистане, Индия проводила активную политику по поддержке сепаратистских настроений в Восточном Пакистане. Участникам освободительной борьбы в будущем государстве Бангладеш оказывалась всесторонняя военная и финансовая поддержка со стороны индийских властей. Начало военных действий часто связывают с активной артиллеристской поддержкой, которую Индия начала оказывать Восточному Пакистану.

Разгоревшаяся индо-пакистанская война закончилась для Пакистана поражением и отторжением восточных территорий, что стало одним из звеньев цепи событий, ограничивших спектр инструментов влияния Пакистана на Индию. Баланс сил сместился в сторону Индии, и прямое военное столкновение привело бы к разгрому поражению Пакистана. Осознание невозможности военной победы вместе с нерешенностью мнимых или реальных пакистанских проблем безопасности, которые не разрешила и состоявшаяся в 1972 г. встреча в верхах в Симле¹,

¹ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 90. 1972. О переговорах премьер-министра Индии Индиры Ганди с президентом Пакистана Бхутто в Симле. Оп. 34. П. 76. Д. 13. Л. 209.

привели к хронической гибридной войне и к закреплению нездорового режима индо-пакистанских отношений [Никитина 2008, с. 52].

Другим важным для исследования результатом войны 1971 г. стало обострение стремления Пакистана создать собственное ядерное оружие [Володин, Шукла 2018, с. 40–55]. В контексте изучения причин и природы гибридной войны между Индией и Пакистаном получение доступа этих стран к ядерному оружию является одним из важнейших факторов. Именно осознание акторами вероятности взаимного гарантированного уничтожения в случае открытого противостояния привело к тому, что их инструменты силового влияния на соперника стали существенно ограничены. Это подтолкнуло Пакистан к использованию непрямых методов давления на Индию.

Не менее важными для укрепления в индо-пакистанских отношениях режима гибридной войны являются особенности развития внутриполитической системы Индии. Именно в 1970-х гг. в Индии усилились авторитарные тенденции, которые с течением времени продолжали укрепляться. Более того, они наложились на укрепление лидерских амбиций Индии в регионе. Окончание холодной войны изменило устройство мира и заставило ключевых региональных игроков переосмыслить свое положение в международно-политической системе. Внешнеполитическая стратегия Индии, которая долгое время была основана на игре на противоречиях между СССР и США, потеряла свою актуальность и сменилась на другую. Теперь индийские амбиции возросли если не до сверхдержавных, то до безусловной убежденности в том, что Индия для обеспечения своей национальной безопасности должна гарантировать себе роль регионального лидера и лишить своих соседей любой возможности оспорить ее. Это не могло не восприниматься Пакистаном как попытки Индии подорвать его позиции в регионе и не могло не вызывать агрессивный ответ.

Причины продолжительности индо-пакистанского гибридного конфликта

Порочный круг такой войны существует благодаря взаимным действиям сторон, и на современном этапе деятельность по поддержанию войны Индии заключается как раз в том, как она позиционирует себя в регионе и как реагирует на действия Пакистана, а также в том, какую политику Нью-Дели проводит на спорных кашмирских территориях.

Лидерские амбиции Индии в регионе, четкая и даже агрессивная их декларация для пакистанского руководства и общества выглядят как угроза и провоцируют Пакистан продолжать гибридные действия против Индии.

Сегодняшний премьер-министр Н. Моди прямо говорит о готовности Индии возглавить мировой порядок. Он часто подчеркивает, что «любая страна имеет право расширять свое присутствие и влияние на международной арене», и что стремление Индии расширять свои возможности в мире – это стремление к всеобщему человеческому благу [Sharma 2020, р. 192]. Другими словами, глобалистский дискурс становится неотъемлемой частью политической жизни Индии. Предположительно именно такой взгляд на мирополитическую реальность или особый тип мышления как политических элит, так и общества обеспечивает чрезвычайную продолжительность гибридных войн. Если их возникновение определяется историческим, политическим, культурным и экономическим основаниями, то неразрешимость, помимо всего прочего, есть следствие империалистского, милитаризированного мышления властей и общества.

Исключительная продолжительность гибридных войн также объясняется их цикличностью. На протяжении десятилетий циклы эскалации идут по одинаковому сценарию – деятельность кашмирских фундаменталистов и сепаратистов, поддерживаемых Пакистаном, и осуществляемые ими террористические акции приводят к тому, что индийское руководство широко применяет карательные меры в подконтрольных частях Кашмира, а также иногда осуществляет точечные авиаудары по территории Пакистана, объясняя это тем, что там находятся лагеря боевиков. После этого Пакистан как внутри, так и на различных международных площадках говорит об индийской агрессии и о беспрецедентном нарушении прав кашмирцев индийским руководством [Белокреницкий, Москаленко, Шаумян 2003, с. 183].

По такому сценарию протекали события и 1990-х, и 2000-х гг. В рамках недавнего эпизода эскалации в 2019 г. после подрыва индийской армейской колонны в Джамму и Кашмире последовал жесткий ответ Индии и упразднение особого статуса для бывшего штата Джамму и Кашмир. Более того, в Индии прошли протесты, участники которых призывали привлечь виновных к ответственности, а индийские власти обещали дать максимально жесткий ответ на действия Пакистана, вину которого не подвергали сомнению. Затем ВВС Индии нанесли массированный удар по находящемуся на пакистанской территории лагерю «Армии Мухаммеда».

При этом данные акции, которые в большей степени являются действиями демонстративными, никак не влияют на динамику конфликта. Вероятнее всего, к обозначенному и другим похожим терактам причастны радикальные группы, связанные с Пакистаном, но не непосредственно пакистанские власти. Благоприятно на разрешении индо-

пакистанской конфликтной ситуации сказалось бы совместное расследование с привлечением международных экспертов. В то время как отзыв дипломатов и ответные военные акции только замыкают один конфликтный цикл и начинают новый.

Адаптация внутриполитической системы и эксплуатация внешней угрозы как причина продолжительности гибридных войн также типичны для Индии. Жесткая риторика, взаимные обвинения, отсутствие доверия между странами являются неотъемлемыми атрибутами гибридных войн. В целом в 2014 г. с приходом Н. Моди к власти происходит укрепление вектора Индии на обеспечение международной изоляции Пакистана. Антипакистанская риторика представляет собой регулярные обвинения пакистанских властей в терроризме, нарушении международного права и дестабилизации региона. При этом вопросом остается, направлена ли подобная риторика исключительно вовне. Представляется, что она в значительной степени нацелена на усиление внутриполитических позиций конкретных политических игроков.

Накануне всеобщих выборов в Индии в 2019 г. Бхаратия Джаната Парти (БДП) представила свою предвыборную программу (*Sankalp Patra*). Абсолютная нетерпимость к терроризму в увязке с национальной безопасностью и укреплением вооруженных сил Индии были обозначены национальным приоритетом. Уже п. 1 программы – «Нация прежде всего» – демонстрировал, что на протяжении своего второго срока в качестве премьер-министра Моди будет более агрессивным, решительным и жестким. Такая основа программного документа БДП нашла позитивный отклик у значительной части индийского избирателя и, как следствие, обеспечила БДП убедительную победу на выборах 2019 г. [Ahmed 2020, p. 44–53].

Продолжение падение ВВП и ряда неудач экономической и социальной политики правительства компенсируются жесткой риторикой авторитарного лидера. По сути, существование «агрессивного, спонсирующего терроризм» Пакистана как экзистенциальной угрозы должно заставить широкую общественность закрыть глаза на другие проблемы. Несмотря на обеспокоенность индийской интеллигенции тем, что современная Индия отходит от секуляризма и встала на путь религиозной и культурной нетерпимости, большинство населения, существующее в пространстве, создаваемом индийскими СМИ, продолжает поддерживать Н. Моди и его правительство [Куприянов, Макаревич 2021, с. 81].

Важно отметить, что обеспечение широкой поддержки в достаточной степени агрессивного авторитарного популизма требует создания или утилизации внешней угрозы. Во всяком случае, это наиболее про-

стой способ консолидировать общество вокруг власти, так как он базируется на природной психологической особенности человека примыкать к «сильному Своему» при наличии «Чужого». Это направление политического движения особенно эффективно, когда страна на протяжении многих лет находится в конфликтных отношениях с соседним государством.

Дихотомия «мы/они» или «свой/чужой» как политическая и идеологическая установка имеет глубочайшие исторические корни. Изучение политики и истории человеческих обществ невозможно в отрыве от детерминанта «мы – они», так как это важнейшие нерациональные категории сознания, имеющих проявления в действиях [Поршнев 1979, с. 21–25]. Ее изучение требует масштабного погружения в истоки государственности, а возможно и формирования первобытных обществ [Маслаков 2015]. Различие по этому принципу можно считать одним из первичных и самых примитивных способов самоидентификации социальной группы, а также способов определения источника опасности [Козырев 2008, с. 34–35].

Гибридные конфликты как чрезвычайно продолжительные приводят к формированию особой социальной психологии, носители которой видят войну как нормальное состояние, как неотъемлемую часть жизни. Более того, такая психология вместе с результатами социально-политической мысли и государственной пропаганды приводит к перерождению этно-региональных или территориальных конфликтов в конфликт как самоцель или конфликт как способ самоидентификации («мы не они»), что повышает популярность жесткого милитаристского дискурса [Типология конфликтов... 2013, с. 134].

Деградация изначальных целей конфликта приводит к выдвижению на первый план целей политico-идеологического происхождения, например, цели компенсировать общественно-психологические комплексы – мнимые или реальные исторические поражения, или утвердить некую социально-историческую роль собственного государства или народа, восстановить историческую справедливость и др. За десятки лет именно преобладание идеологического контекста приводит к тому, что через государственную пропаганду, а также сквозь феномен исторической памяти создается настолько детализированный и реалистичный образ врага, что мирное сосуществование с «другим» народом, или государством-«врагом» и мирное разрешение перестает быть допустимым вариантом окончания конфликтной ситуации.

Это рождает историческую «цикличность» – затянувшийся конфликт приводит к усилению влияния принципа общественной самоидентификации «свой/чужой», проявляющемуся в активном формиро-

вании образа врага, которое, в свою очередь, приводит к еще большему затягиванию конфликта.

Индо-пакистанский конфликт начал развиваться вместе с появлением государств-участников на карте мира – речь идет об обретении Индией и Пакистаном независимости от Британской империи – и длится на протяжении всего их существования. Именно поэтому кашмирская проблема служит для индусов постоянным источником политического и идеологического дискурса, влияющего на личную идентичность, коллективную память и социальные убеждения, а пакистанцы стали народом, формирующим образа врага в индийском обществе.

Это обуславливает чрезвычайную популярность антипакистанской риторики Моди, а также «политики жестких ответов». Однако в долгосрочной перспективе это приводит к тому, что приоритетной остается только «политика безопасности», в то время как другие направления развития Индии остаются в тени.

Приоритизация политики безопасности также приводит к затягиванию конфликта с Пакистаном. Этот аспект отлично объясняется в рамках теории секьюритизации, которая особенно ярко проявляется в контексте гибридной войны. «Секьюритизация» в международных отношениях является процессом определения государством угроз национальной безопасности на основе субъективных, а не объективных оценок проблем безопасности. Государства, которые склонны воспринимать определенные проблемы национальной безопасности как экзистенциальную угрозу, «секьюритизируют» эти секторы, принимая серьезные, порой избыточные меры по обеспечению их безопасности, часто в нарушение правовых процедур и демократического процесса [Kilroy 2022, p. 49]. В случае Индии ярким примером секьюритизации проблем безопасности является ужесточение контроля над индийской частью Кашмира.

Как уже отмечалось, современный международно-правовой режим несмотря на то, что он сегодня подвергается размытию, не предусматривает использования силовых методов для реализации своих целей. Индия, как любая другая страна в аналогичных обстоятельствах, вынуждена действовать в границах серой зоны, что подразумевает расхождение между декларативными формулировками позиций и подходов и реальными действиями. Индийские власти не признают Кашмир спорной территорией или территорией, удерживаемой военным путем. При этом объективные данные говорят о том, что Кашмир не интегрирован в индийское политическое и культурное пространство, а до сих пор представляет собой сложную протестную территорию, для удерживания которой в составе Индии центральные власти вынуждены использовать значительный силовой ресурс.

Силовой аппарат Индии в Джамму и Кашмире и Ладакхе насчитывает более полумиллиона военнослужащих, вооруженных формирований и сотрудников Центральной резервной полиции (Central Reserve Police Force), а также значительный контингент регулярных сил полиции. Соотношение военнослужащих и гражданского населения делает регион самым милитаризованным местом в мире [Dushinski, Hoffman 2011, p. 52].

Представляется важным отметить, что в случае Кашмира атмосфера поддержания национальной безопасности, которая формируется через государственное насилие и принуждение, вступает в прямое противоречие с функцией государства по обеспечению прав и благосостояния граждан. На союзных территориях Джамму и Кашмир и Ладакх управление происходит, в частности, с помощью чрезвычайных правовых мер и соответствующей судебной практики. Правовые основы силовой государственной политики устанавливаются специальным чрезвычайным законодательством, связанным с безопасностью, в первую очередь, «Законом о неспокойных районах»², «Законом об особых полномочиях Вооруженных сил»³ и «Законом об общественной безопасности»⁴, которые предоставляют сотрудникам сил безопасности неограниченные полномочия для проведения специальных операций.

Эти акты узаконили насилие в долине, санкционируя применение против населения неограниченной силы. Через «Закон об особых полномочиях Вооруженных сил» всем представителям сил безопасности предоставляется право стрелять на поражение на основании простого подозрения, если это необходимо для «поддержания общественного порядка». Закон также гарантирует иммунитет от судебного преследования, устанавливая, что судебное дело не может быть возбуждено против военнослужащего без разрешения центрального правительства, – положение, которое на практике не оставляет гражданскому населению никаких механизмов для защиты своих прав [Dushinski, Hoffman 2011, p. 41].

Отдельным вопросом является практическое отсутствие свободного доступа к информации в Кашмире. Ограничения свободы СМИ являются давно используемой и хорошо освоенной мерой, к которой прибегает правительство Индии в периоды социальной и политической нестабильности в регионе, поддерживаемой Пакистаном. На этом фоне возрастает роль пропаганды и дезинформации населения, как внутри Индии, так и на кашмирских территориях, контролируемых Нью-Дели. В серой зоне

² The Disturbed Areas (Special Courts) Act, 1976.

³ The Armed Forces (Special Powers) Act, 1958

⁴ The Jammu and Kashmir Public Safety Act, 1978.

гибридных войн национальная безопасность всегда увязывается с чрезвычайным государственным контролем, в рамках которого свободные СМИ и плюрализм мнений просто невозможны. Однако парадокс такой ситуации в том, что жесткий контроль СМИ и активизация работы пропагандистского аппарата в долгосрочной перспективе приводит к ухудшению ситуации и отражает далеко не силу, а слабость власти и отсутствие у нее иных инструментов влияния, кроме силовых.

Уже в конце 1980-х гг. регион стал свидетелем сильнейшего сопротивления индийскому правительству, которое переросло в вооруженное восстание. Предшествовало этому формирование, а затем постепенное развитие кашмирского исламского радикализма, которое не могло не обострить ситуацию в регионе. Первая религиозно-радикальная партия появилась в Кашмире еще в 1962 г., но вот резкому усилению и ускорению исламизации национального кашмирского движения способствовали события 1970-х годов, такие как, например, военный переворот в Пакистане в 1977 г., исламская революция в Иране в 1979 г. и другие события, происходящие тогда в исламском мире. В декабре 1989 г. началось одно из самых масштабных восстаний в Кашмире, результатом которого стало применение индийскими властями самых жестких мер для восстановления спокойствия в регионе [Белокреницкий 2003].

Следствием или попыткой решения вопроса (помимо силового подавления протестов) стала практика информационной блокады, когда правительство вводит ограничения СМИ и интернета для обеспечения более жесткого контроля в регионе. На современном этапе, особенно после отмены статуса автономии Джамму и Кашмира 5 августа 2019 г., работа независимых СМИ в регионе стала практически невозможна. Практика повсеместного задержания журналистов, закрытия редакций получила еще большее распространение с введением в 2020 г. «Закона о новой политике в отношении СМИ», который на официальном уровне утверждает цензуру в СМИ в Джамму и Кашмире и Ладакхе.

Забастовки и мирные демонстрации против жестких действий индийских служб безопасности, последствия введения государством комендантского часа, который иногда длится несколько дней, не находят отражения в индийских СМИ. Это, как и сами факты нарушения прав человека, не может не снижать лояльность местного населения к индийскому правительству. Индийские СМИ, освещавшие проблемы Кашмира, как правило, склонны обвинять в случающихся беспорядках исключительно Пакистан [Nazakat 2012, р. 71]. Однако несмотря на известные факты пакистанской поддержки повстанцев и его политики разжигания сепаратистских настроений в Кашмирской долине, Индия

несет свою долю ответственности за политический и гуманитарный кризис в Кашмире.

Еще одним фактором, определяющим невозможность разрешения кашмирской проблемы в ближайшей перспективе, является оформление националистических настроений и религиозной нетерпимости в индийском обществе. Идеологическая модель БДП имеет решающее значение для понимания матрицы мышления как индийских лидеров, так и общества, так как общественное большинство поддерживает этот политический вектор. БДП является партией индийского национализма, что создает дискурс, формирующий современные нарративы во внешней политике Индии, который в конечном счете находит отражение в индийской политике в отношении Пакистана.

Важно отметить тесную связь БДП с организацией «Раштрия Сваямсевак Сангх»⁵, а также их общее следование принципам политической идеологии «хиндутвы», как правой формы индийского национализма. Происхождение идеологии «хиндутвы» имеет глубокие исторические корни и имеет отношение к изначальной конструкции индуистской идентичности. Она ограничивает «органичные» индийские религии индуизмом, сикхизмом, буддизмом, айавари и джайнизмом, считая другие религии, а также некоторые политические течения чужеродными для индийской культуры. Главной же целью приверженцев этой идеологии является рост благосостояния нации индусов, веками угнетаемых и преследуемых [Sharma 2020, p. 45].

В контексте данного исследования абстракция «хиндутвы» как любой политической идеологии не представляется важной, в то время как практические её проявления, в частности в индо-пакистанских отношениях, кажутся вполне ощущимыми и значимыми. Отмена ст. 370 конституции Индии, а также ст. 35а, которые были гарантами широкой автономии региона, разделение штат на две «союзные территории»: Джамму и Кашмир и Ладакх носит явно дискриминационный характер для проживающего на этих территориях мусульманского большинства. Параллельно с этими изменениями БДП принимает изменения в закон о гражданстве Индии, в соответствии с которыми нелегальные мигранты – индуисты, сикхи, буддисты, джайны, парсы и христиане – имеют право на ускоренное получение индийского гражданства. При этом мусульманам такого права не предоставляется⁶.

⁵ Организация «Раштрия Сваямсевак Сангх» представляет собой индусскую военизированную националистическую организацию правого толка.

⁶ The Citizenship (Amendment) Bill, 2019. URL: <https://prsindia.org/billtrack/the-citizenship-amendment-bill-2019#:~:text=The%20202019%20Bill%20seeks%20to,provisions%20related%20to%20OCL%20cardholders> (accessed: 02.02.2023).

Внутренняя политическая повестка Индии воспринимается Пакистаном как враждебная. В частности, такие ее проявления, как приверженность индийского руководства агрессивному национализму, которая проявляется в создании дискриминационной правовой базы по отношению к мусульманам, в частности к кашмирцам, а также тот факт, что в современной Индии решение реальных и мнимых проблем государственной безопасности является наиболее популярной темой внутри политического популистского дискурса.

Заключение

В то время как традиционная война – это продолжение предшествующих событий, логично вытекающее из явно оформленных противоречий, в котором стороны имеют свои четко осознаваемые цели, оформление гибридного пространства вытекает из сложного контекста, выйти из которого возможно лишь после полной деконструкции этого контекста. Действия внутри данного аморфного фронта не способны разрешить проблему, а только усугубляют ее, минимизируя и без того ничтожные возможности для примирения.

Данный тезис хорошо иллюстрируют действия Индии в рамках индо-пакистанского конфликта. Конфликтные циклы внутри гибридной индо-пакистанской войны не приводят проблему к той точке, в которой стороны были бы готовы на конструктивные мирные переговоры.

Установление режима гибридной войны в индо-пакистанских отношениях обусловлено историческими причинами. Так, полноценная гибридная война между Индией и Пакистаном стала реальностью в тот момент, когда Пакистан оказался в условиях, когда добиться своих целей он не мог ни прямым силовым путем, ни традиционным дипломатическим.

Исключительная продолжительность гибридной войны между Индией и Пакистаном может быть объяснена целым рядом факторов. Особое место в затягивании гибридных войн занимают глобалистские и милитаристские настроения политических элит и общества. Лидерские глобалистские амбиции в Индии, корни которых появились после окончания холодной войны, на современном этапе оформились и стали объективной политической реальностью, особенно с приходом к власти Н. Моди. На современном этапе «усилия» Индии по поддержанию гибридной войны базируются на авторитарном популизме и индийском национализме современной политической системы Индии.

Антапакистанская риторика является частью политического образа современной индийской власти. С одной стороны, она провоцирует Пакистан продолжать свою агрессивную политику в отношении Индии

(как бы оправдывая актуальность вопросов безопасности), а с другой – обеспечивает поддержку индийского руководства среди широких слоев населения.

Такая политика сопряжена, с одной стороны, с высоким уровнем дегуманизации и демонизации пакистанцев в глазах индийского общества – т. е. с формированием образа врага. Это удлиняет циклы межгрупповых конфликтов через неприятие обществом идеи переговоров, коллективную агрессию и одобрение массовых жертв среди гражданского населения «страны-врага». Другими словами, отрицание политических прав оппонента, его демонизация и дегуманизация – все это подрывает его легитимность, служит оправданием жестокости по отношению к нему, а также исключает его из системы общечеловеческих норм и ценностей. Это создает порочный круг, в котором восприятие аутгруппы настолько искажено, что возможности для мирного разрешения конфликта сводятся практически к нулю.

С другой стороны, политика индийского руководства сопровождается ужесточением государственного контроля, особенно на кашмирских территориях. Политически декларируемая приверженность борьбе с терроризмом и стремление обеспечить лидерство Индии приводят к принятию дискриминационных законов, повсеместному нарушению прав человека на союзных территориях Джамму и Кашмир и Ладакх и несимметричному применению силы против гражданского населения. Это не может не вызывать негативную реакцию Пакистана, поддерживающего борьбу кашмирцев за независимость, что обеспечивает новый виток гибридной войны.

Литература / References

1. Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н., Шаумян Т. Л. Южная Азия в мировой политике. М.: Международные отношения, 2003. [Belokrenitskiy V.Y., Moskalenko V.N., Shaumyan T.L. 2003. South Asia in the World Politics. M. 368 p. (In Rus.)].
2. Белокреницкий В. Я. Исламский радикализм, кашмирский кризис и геополитическая ситуация в центре Азии. Ближний Восток и современность. М., 2003. С. 3–11. [Belokrenitskiy V.Y., Muslim Radical Movement, Kashmir Crisis and Geopolitical Situation in the Central Asia. Middle East and Today's World. 2003. Moscow. P. 3–11. (In Rus.)].
3. Володин А. Г., Шукла В. Ядерное противостояние» в Южной Азии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 6. С. 40–55. [Volodin A. G., Shukla V. 2018. The "Nuclear Confrontation" in South Asia // Outlines of global transformations: politics, economics, law. № 11 (6). Pp. 40–55 (In Rus.)].
4. Кашин В. П. Нарен德拉 Моди. Лидер современной Индии. М: Икар. 2020. [Kashin V.P. 2020. Narendra Modi. Leader of Modern India. Moscow. (In Rus.)].

- 268 Melnikova S. V. The Nature of the Hybrid Warfare: the Case of Kashmir
Eastern Analytics. 2024;14(1):253–269

5. Козырев Г. И. «Враг» и «образ врага» в общественных и политических отношениях // Социологические исследования. 2008. № 1 (285). С. 31–39. [Kozyrev G. I. 2008. «Enemy» and «Enemy Image» in Social and Political Relations // Sociological Research. № 1 (285). Pp. 31–39 (In Rus.)].
6. Куприянов А. В., Макаревич А. В. Индия в постбиполярную эпоху: тридцатилетие поиска места в мире // Journal of International Analytics. 2021. № 12 (2). С. 74–92. [Kupriyanov A. V., Makarevich G. G. 2021. India in the Post-Bipolar World: 30 Years of Searching the Place // Journal of International Analytics. № 12 (2). Pp. 74–92 (In Rus.)].
7. Маслаков С. И. Формирование «образа врага» как средство манипулятивного воздействия на социальные группы. Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления // Материалы международной научно-практической конференции / отв. ред. Ю. А. Зубок. 2015. [Maslakov S. I. 2015. Development of the "enemy image" as a manipulation means of influence of social groups. Risks in a changing social reality: the problem of management. Materials of the international scientific and practical conference. (Ed. Y. A. Zubok) (In Rus.)].
8. Мелехина Н. В. Пути и перспективы решения Кашмирской проблемы // Восток (Oriens). 2008. № 3. С. 82–94. [Melekhina N. V. 2008. The Ways and Prospects of solving the Kashmir Problem // Vostok (Oriens). № 3. Pp. 82–94. (In Rus.)]
9. Никитина М. В. Индо-Пакистанская конференция в Симле в 1972 году // Via in tempore. Серия: История. Политология. 2008. № 10 (50). С. 51–56. [Nikitina S. I. 2008. Indo-Pakistan Conference in Simla in 1972 // Via in tempore. History. Political Science. Vol. 8. № 10 (50). Pp. 51–56 (In Rus.)].
10. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. Изд. 2-е, дополненное и исправленное. М.: Наука, 1979. [Porshnev B. F. 1979. Social Psychology and History. Moscow. (In Rus.)].
11. Типология конфликтов: «новые войны» и ситуация на Ближнем Востоке / под. ред. И. Я. Кобринской. М.: ИМЭМО РАН, 2013. [2013. Typology of conflicts: "new wars" and the situation in the Middle East. (Ed. I. Y. Kibrinskaya). Moscow. Pp. 8–9 (In Rus.)].
12. Шаумян Т. Л. Кашмирская проблема: международно-правовой аспект // Вестник Института Востоковедения РАН. 2023. № 4(26). С. 250–264. [Shaumyan T. L. 2023. The Kashmir Problem: International Legal Perspective // Vestnik Instituta vostokovedenija RAN. № 4 (26). P. 250–264 (In Rus.)].
13. Almäng J. 2019. War, vagueness and hybrid war // Defence Studies. № 19 (2). Pp. 189–204.
14. Ahmed R. Q. 2020. Hindu Nationalism, Modi Factor and the Ideology Matrix in Contemporary India // Margalla Papers. № 24 (1). Pp. 44–53.
15. Duschinski H., Hoffman B. 2011. Everyday violence, institutional denial and struggles for justice in Kashmir // Institute of Race Relations. Vol. 52 (4). Pp. 44–70.
16. Kilroy Jr.R.J. Securitization. 2022. In Handbook of Security Science. (Ed. A. J. Masy). Springer Nature Switzerland.
17. Mattsson P. A. 2017. Russian military thinking – A new generation of warfare // Journal on Baltic Security. № 1 (1). Pp. 61–70.

18. Nazakat S. 2012. Indian Media Coverage of Kashmir. When Stories Clash with National Interest // Asia Pacific Media Educator. № 22 (1). Pp. 69–74.
19. Poornima B. 2022. Cyber Threats and Nuclear Security in India // Journal of Asian Security and International Affairs. № 9 (2). Pp. 183–206.
20. Reichborn-Kjennerud E., Cullen P. 2016. What is hybrid warfare? Oslo: Norwegian Institute of International Affairs.
21. Sharma A. 2020. On the Difference Between Hinduism and Hindutva // Asian Philosophies and Religions. Association for Asian Studies. Vol. 25 (1). Pp. 43–47.
22. Yadav K. S. 2019. Hybrid warfare challenges to the armed forces: Realities and the way ahead // CLAWS. № 12(2). Pp. 122–141.

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Pindják P. 2014. Deterring hybrid warfare: A chance for NATO and the EU to work together. NATO Review. <https://www.nato.int/docu/review/articles/2014/11/18/deterring-hybrid-warfare-a-chance-for-nato-and-the-eu-to-work-together/index.html> (accessed: 09.10.2022).
2. The Citizenship (Amendment) Bill, 2019. URL: <https://prsindia.org/billtrack/the-citizenship-amendment-bill-2019#:~:text=The%202019%20Bill%20seeks%20to,provisions%20related%20to%20OCI%20cardholders> (accessed: 02.02.2023).

ИНФОРМАЦИЯ О АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Мельникова Софья Владимировна – Melnikova Sofya V. – PhD (Hist.),
канд. ист. наук, научный сотрудник Research Fellow, Center for Study
Центра исследования общих проблем of Common Problems of Contemporary
современного Востока Института East, Institute of Oriental Studies
востоковедения Российской of the Russian Academy of Science,
Академии Наук, Москва, Россия Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 08.02.2024.

Одобрена после рецензирования и принятая к публикации: 19.02.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 08.02.2024.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 19.02.2024.

The author has read and approved the final manuscript.